

UDC 94 (47) 084.6

**“Execution Limits”: from the History of Big Terror in North Ossetia**

Alan T. Tsarikaev

North-Ossetian State University named K.L.Hetagurova, Russian Federation  
 Institute of History and Archeology Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation  
 46 Vatutina Str, Vladikavkaz, 362025  
 PhD, Assistant Professor  
 E-mail: Tsarikaev.A.T@yandex.ru

**Abstract.** Based on previously unknown archive documents from the funds of the State Archive of Modern History of the Republic of North Ossetia-Alania (SAMH RNO-A), periodical materials and Books of Condolence for Victims of Political Repressions, this article attempts to consider, for the first time in the regional historiography, the large-scale operations of the NKVD in the North Ossetia in the years of the Big Terror. The article focuses largely on the “kulak operation”, statistics of terror and the social composition of the people repressed in this region. It also demonstrates the role played by members of the regional NKVD triumvirate court in the escalation of terror. The conclusion is made that the “kulak operation” in the North Ossetia had a clearly demonstrated anti-peasantry nature, and its initial limits had been exceeded several times; the article points out that similar “national operations”, primarily “Polish” and “German”, often repressed people who were not ethnic Germans or Poles at all.

**Keywords:** big terror; “public enemy”; “kulak operation”; limits; NKVD; North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic; “purge.”

**Введение.** 30 июля 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов подписал оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В констатируемой части этого приказа утверждалось, что материалами следствия по делам антисоветских формирований было установлено, что в деревне осело значительное количество беглых кулаков, ранее репрессированных, скрывавшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков, а также много ранее репрессированных церковников и сектантов, бывших участников антисоветских вооруженных выступлений. В деревне остались «почти нетронутыми значительные кадры антисоветских политических партий: (эсеров, грузменов, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов». Некоторые из них, уйдя в города, проникли на промышленные предприятия, стройки, транспорт.

Кроме того, в деревне и в городе «еще гнездятся уголовники, воры-рецидивисты, контрабандисты – профессионалы, скотокрады и др., ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой... находящейся в лагерях и трудпоселках». «Все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений...». Перед органами госбезопасности ставилась задача – «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства». На основной европейской территории СССР «операцию по репрессированию» приказано было начать с 5 августа 1937 г., в Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР – с 10 августа, в Дальне-Восточном и Красноярском краях и в Восточно-Сибирской области – с 15 августа. Завершить всю акцию органам НКВД следовало через четыре месяца, к 5–15 декабря [1].

**Материалы и методы.** Утверждение приказа № 00447 Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г. фактически открывало беспрецедентно кровавый период истории СССР, вошедший в историографию под названием «ежовщина».

В течение 15 месяцев репрессивная акция против бывших «кулаков», уголовников и других «антисоветских элементов» и операции против контрреволюционных «национальных контингентов» являлись главным направлением внутренней политики партийно-государственного руководства.

Эти акции, в совокупности составившие суть того, что позже будет названо Большим террором, достаточно обстоятельно исследованы как отечественными, так и западными историками. Введение в научный оборот массива ранее засекреченных архивных документов позволило ученым определить истинные масштабы репрессий, социальный и национальный состав заключенных ГУЛАГа, серьезно продвинуться в выяснении причин, предпосылок и социально-политической направленности террора.

Вместе с тем указанная тема нуждается в дальнейшей разработке. Комплексное изучение проблемы невозможно без обращения к региональным аспектам Большого террора, особенностям реализации репрессивной политики на местах.

**Обсуждение.** В настоящее время архивные документы, материалы периодической печати, а также Книги памяти позволяют выявить основные тенденции в реализации репрессивной политики в Северной Осетии в 1937–1938 гг. Уже 9 июля 1937 г. в соответствии с директивой «Об антисоветских элементах» Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило спецтройку НКВД по Северо-Осетинской АССР (СОАССР) в составе 1-го секретаря обкома ВКП (б) Г.В. Маурера, председателя облисполкома Д.Н. Тогоева и начальника областного управления НКВД Н.И. Иванова [2]. Однако, еще до издания приказа № 00447 в связи с освобождением от должности и исключением из партии Маурера председателем тройки 23 июля был утвержден новый 1-й секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Ф.Г. Коков [3].

Оперативным приказом № 00447 наркома внутренних дел Ежова для Северо-Осетинской АССР утверждались следующие «лимиты» репрессируемых «врагов народа»: по первой категории – 200 человек, по второй категории – 500 человек [4]. Всего 700 человек. Огромная цифра для самой небольшой по площади и одной из самых маленьких по численности населения автономных республик РСФСР. Но и она была неокончательной. Северо-Осетинские партийные руководители активно добивались расширения проскрипционного списка. 6 сентября 1937 г. 1-й секретарь обкома ВКП(б) Коков направляет в Москву шифротелеграмму, в которой ходатайствует о повышении лимитов: «Ознакомившись в НКВД со следственными делами по операции антисоветских элементов, прошу увеличить цифру подлежащих расстрелу еще на 200 человек. Тов. Ежову подробности почтой» [5]. Уже на следующий день Политбюро удовлетворяет просьбу руководства Северной Осетии, обрекая на смерть 200 новых жителей республики. Таким образом, первоначальная квота репрессируемых по 1 категории выросла за 2 месяца в 2,4 раза.

Проведение «кулацкой операции» в Северной Осетии началось в конце июля 1937 г., то есть фактически раньше установленного приказом Ежова сроком под руководством начальника областного управления НКВД Иванова.

Анализ данных Книг памяти свидетельствует, что волна террора в Северной Осетии достигла пика в период между сентябрем и концом 1937 г. Наиболее кровавым месяцем Большого террора в республике явился декабрь 1937 г., поскольку местное руководство в преддверии завершения операции по приказу №00447 стремилось к выполнению плана. О динамическом ужесточении репрессий говорит изменение соотношения числа приговоренных Тройкой НКВД СО АССР к смертной казни и заключению в лагерь: сентябрь – осуждено 350 человек (121 казней и 229 лагерного заключения), декабрь – 876 человек (344 и 532 соответственно) [6]. Показательна в этой связи и динамика исключения по Орджоникидзевскому горкому ВКП (б). С конца мая по ноябрь 1937 г. было исключено 69 человек, а с ноября 1937 г. по 23 января 1938 г. – уже 130 человек, причем 125 – как «враги народа», изъятые органами НКВД [7].

Книги памяти, несмотря на известный обобщенный характер этого источника, позволяют конкретизировать социальный профиль групп жертв приказа №00447 и операции против контрреволюционных «национальных контингентов» в Северной Осетии. Репрессии, в первую очередь, коснулись крестьянства (колхозники, крестьяне единоличники), рабочих и служащих промышленных предприятий республики (прежде всего Вагоноремонтного завода (ВРЗ) и «Электроцинка»), работников транспортной инфраструктуры (железнодорожной) и представителей осетинского учительства (бывших «белых»). Относительно невелика среди приговоренных доля безработных и маргиналов.

В целом же, как показывают данные репрессивной статистики, биографические материалы Книг памяти, приказ № 00447 имел в Северной Осетии выраженную «кулацкую» направленность. Из 2002 человек, осужденных в СО АССР в ходе реализации приказа, 1 338 или около 67 % были отнесены к категории «бывших кулаков» [8]. В эту целевую группу, как свидетельствуют источники, помимо собственно «бывших кулаков», то есть лиц, лишившихся собственности в ходе коллективизации, сотрудники НКВД включали крестьян-единоличников, а также сельских жителей, имевших судимость, либо допускавших антисоветские и антиколхозные высказывания.

Масштабные аресты затронули руководящие кадры республиканских колхозов. Всего, по нашим подсчетам, органами НКВД СОАССР было арестовано 106 человек из числа административно-управленческого персонала колхозов, 97 из которых осуждены (43 – к ВМН, 54 – к ИТЛ) [9]. В одном только Правобережном районе республики, где насчитывалось 15 колхозов, были репрессированы председатели 6 из них [10].

Таблица 1

**Распределение осужденного административно-управленческого персонала колхозов СОАССР по роду занятий и мерам наказания**

Род занятий	Осуждено				Всего
	1937 г.		1938 г.		
	ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ	
1. Председатели колхозов	12	7	-	2	21

2. Заместители председателей	1	-	-	-	1
3. Бухгалтера	7	8	1	-	16
4. Бригадиры	5	9	-	1	15
5. Парторги	3	4	1	-	8
6. Заведующие фермами	3	5	-	3	11
7. Завхозы	2	9	-	1	12
8. Счетоводы	3	2	-	1	6
9. Учетчики	4	3	-	-	7

Следователями республиканского НКВД конструировались локальные контрреволюционные группы, руководителями которых выступали председатели колхозов, а активными участниками – их подчиненные. Так, сотрудниками Алагиро-Ардонского районного отдела НКВД было сфабриковано дело М.Г. Гуткаева (председатель колхоза), Б.Ч. Чехоева (председатель колхоза), Г.А. Зембатова (директор МТС) и др. (всего 17 человек), обвинявшихся в контрреволюционной деятельности. В обвинительном заключении отмечалось, что еще в 1927 г. Гуткаев и другие «организовались в контрреволюционно-вредительско-повстанческую организацию, которая проводила вредительскую работу в сельском хозяйстве, направленную на подрыв экономической мощи колхозов». 28 декабря 1937 г. участники этой вымышленной организации были осуждены Тройкой НКВД по Северо-Осетинской АССР: 9 человек, в том числе Гуткаев, Чехоев, Зембатов, приговорены к ВМН, остальные – к 10 годам лишения свободы в ИТЛ каждый [11].

Проведенная в 1955 г. прокурорская проверка показала, что контрреволюционная организация – фальсификация сотрудников райотдела НКВД, а материалы предварительного следствия сфабрикованы, в том числе и справки о наличии у части осужденных в прошлом «кулацких» хозяйств и лишении их избирательных прав. Эти справки, выданные Кадгаронским и Ардонским сельсоветами, писались под диктовку начальника Алагиро-Ардонского райотдела НКВД И.Б. Кучиева.

Целенаправленному преследованию в Северной Осетии подверглись также бывшие офицеры царской и «белой» армий. Эта группа населения всегда находилась под подозрением властей. Тем не менее, благодаря своему высокому образовательному уровню и личностным качествам, осетинское офицерство в основной своей массе сумело интегрироваться в общество. В его лояльности к новой власти не приходится сомневаться. Доказательством этому являлся многолетний труд в качестве учителей, бухгалтеров, статистиков, агрономов, милиционеров, милиционеров и безупречные характеристики с мест работы подобные этой: «Дано сие Правобережным окрисполкомом делопроизводителю товарищу Агасиеву Исса в том, что он... отличаясь знанием дела, аккуратностью, исполнительностью, несет службу с полным сознанием, выявил себя вполне корректным сотрудником советского учреждения и вообще близко стоит к делу совстроительства» [12].

Несмотря на это, карательные органы продолжали рассматривать бывших «белых» офицеров как враждебный элемент, потенциальную «пятую колонну» внутри страны, что и предопределило их трагическую судьбу. В 1937–1938 гг. Тройка НКВД СОАССР приговорила к расстрелу секретаря нарсуда СОАССР Шамиля Такулова, агронома-ревизора управления Госстраха республики Солтана Цаликова, инспектора массовых платежей ГОРФО г. Орджоникидзе Майрама Канатова, секретаря сельсовета Дзуарикау Гати Цопанова и многих других советских служащих из числа бывших офицеров «белой» армии.

Сильно затронуты приказом № 00447 были также представители духовенства Северной Осетии. Как свидетельствуют архивные документы, партийно-государственные руководители республики и управление НКВД видели в местном духовенстве классового врага, ведущего «контрреволюционно-разложившую» работу среди населения. Выступавший 23 мая 1937 г. с обширным докладом на II Орджоникидзевской городской партконференции заместитель начальника областного управления НКВД С.З. Миркин инкриминировал священнослужителям подготовку своих кандидатов к выборам в Верховный Совет и пропаганду среди населения требования к властям предоставить молитвенные здания и вернуть закрытые церкви. «Классовый враг в лице религиозной части духовенства и сектанства, – отмечал Миркин, – ведет работу с целью распространить свое влияние на молодежь и детей» [13]. Анализ документов позволяет говорить, что аресты священнослужителей и членов сект в Северной Осетии проходили еще в 1935–первой половине 1937 гг., а операция № 00447 стала апогеем перманентных репрессий против церкви.

Настоящему погрому подверглась промышленность республики. Невыполнение важнейшими предприятиями Северо-Осетинской АССР производственных планов I квартала 1937 г., поломки оборудования вследствие естественного износа, слабая обеспеченность сырьем квалифицировались как результат «диверсионно-вредительской» работы «врагов народа, троцкистов, правых и буржуазных националистов» [14]. Как заявил 1-й секретарь Горно-Алагирского райкома ВКП(б) С.О. Галов, выступая 10 апреля 1937 г. на заседании райпартактива: «Частые аварии..., невыполнение плана – не простое явление, это результат вредительской деятельности врагов народа и слабой нашей революционной бдительности» [15].

Практически полностью был уничтожен директорский корпус. В 1937–1938 гг. репрессированы директор и главный инженер Садонского полиметаллического комбината И.А. Мякиненков и М.А. Бадриев, директор завода «Электроцинк» Е.И. Осеян, директор Швейной фабрики им. С.М. Кирова В.Д. Гацоев, директор Осетинского крахмального завода Т.Ф. Кабоев, директор мебельной фабрики г.Орджоникидзе Н.И. Ватаев, директор Орджоникидзевского мясокомбината И.А. Крохин, директор и коммерческий директор Макаронной фабрики г. Орджоникидзе Н.К. Леков и Т.Т. Салтамов, директор Алагирского лесопильного завода Б.В. Дзахов, директор кирпичного завода «Ир» Д.С. Такоев, директор спиртоводочного завода г.Орджоникидзе И.Н. Ступников, начальник Мизурской обогатительной фабрики Ч.Т. Хасиев, управляющие конторой «Заготзерно» СОАССР Т.В. Таболов и А.Д. Торчинов, начальник шахты Садонского рудоуправления А.Н. Агузаров, начальник шахты Садонского рудника Н.Б. Кулаев, главный инженер шахты Садонского рудника Ф.Т. Толпаров, главный инженер макаронной фабрики Г. Орджоникидзе И.Ф. Чемоданов.

Репрессии обрушились на руководство и рабочий коллектив старейшего вагоноремонтного завода Северного Кавказа – Орджоникидзевского ВРЗ им.С.М. Кирова. Согласно сфабрикованной сотрудниками НКВД версии, на заводе действовала возглавляемая начальником ВРЗ И.И. Ловкисом «антисоветская, троцкистская организация», проводившая контрреволюционную вредительскую работу [16]. В состав этой «разветвленной организации», помимо Ловкиса, якобы входили технический директор завода А.Ф. Скубейда, начальники важнейших производственных цехов, начальник отдела кадров и главбух. Все они – всего 8 человек, за исключением Скубейда, который умер во время следствия, 9 июля 1938 г. были осуждены выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР, пройдя по так называемым «Сталинским спискам».

Всего же за время Большого террора на ВРЗ по нашим подсчетам было арестовано 106 рабочих и служащих, осуждено 102 человека, 27 из которых приговорены к ВМН, а остальные – к заключению ИТЛ на сроки от 3 до 25 лет [17].

13–17 октября 1937 г. специальная коллегия Верховного суда Северо-Осетинской АССР слушала дело о «контрреволюционном вредительстве» на Бесланском сушильном заводе системы «Заготзерно». Стараниями сотрудников республиканского наркомата внутренних дел было сфабриковано дело по обвинению руководства завода во вредительском заражении клещом и долгоносиком хранящегося зерна, и отправке его в различные районы СССР. Как отмечалось на судебных слушаниях, на сушильном заводе якобы действовала «контрреволюционно-диверсионно-вредительская группа» из 6 человек, возглавляемая с 1934 г. бывшим активным «меньшевиком-белогвардейцем» директором Багаевым и бывшим владельцем колбасного производства Гейзерикером, созданная по прямому указанию начальника сектора сбыта Орджоникидзевской крайконторы «Заготзерно» К.Г. Хихло. 17 октября 1937 г. спецколлегия приговорила 5 обвиняемых как «врагов народа» к высшей мере наказания – расстрелу, и еще 1 – к лишению свободы сроком на 20 лет, с поражением в правах на 5 лет [18].

Всего за период с августа 1937 г. по февраль 1938 г. в Северо-Осетинской АССР состоялось 6 показательных процессов над «вредителями» в сельском хозяйстве, животноводстве и промышленности, в ходе которых осуждено 45 человек, 30 из них были приговорены к ВМН [19]. Показательные процессы стали одной из форм публичной коммуникации, инструментом разжигания классово-национальной ненависти.

Одновременно с ликвидацией антисоветских элементов по «кулацкой операции» проводились репрессии и против так называемых контрреволюционных «национальных контингентов» Северной Осетии. Они являлись составной частью общесоюзных репрессий, санкционированных Политбюро и направленных против лиц, имевших национальность «буржуазно-фашистских» государств, граничащих с СССР (немцы, поляки, финны, греки, латыши, эстонцы и другие). По общему признанию, преследование инонациональностей как «потенциальной разведывательной базы» вражеских государств в наибольшей степени отражало сталинские опасения возможной войны [20].

Фактически с завершением зимой 1938 г. «кулацкой операции» в Северной Осетии, на первый план выдвигаются именно репрессии против контрреволюционных «национальных контингентов». В первую очередь арестовывались представители инонациональностей, работавшие на имевшем важное оборонное значение заводе «Электроцинк» и Орджоникидзевском ВРЗ, рабочие и служащие Орджоникидзевской железной дороги, а также работники электросилового хозяйства республики.

Из 102 рабочих и служащих, осужденных на ВРЗ в годы Большого террора, около 50 % являлись немцами, поляками и греками, репрессированными в рамках «национальных операций» НКВД. Причем треть осужденных на заводе составили немцы (34 человека, включая 5 приговоренных к высшей мере наказания) [21].

Репрессировались целые семьи. Так, 28 декабря 1937 г. Тройка НКВД СОАССР осудила школьных учителей Вейнгартов – отца и двух его сыновей. В семье Миллер, уроженцев колонии Михайловское, репрессировали отца и троих взрослых сыновей. Всего же в годы Большого террора в Северной Осетии было осуждено 164 немца, 92 из которых приговорены к высшей мере наказания [22]. Если же говорить о конкретно немцах – жертвах именно немецкой национальной «линии», то по нашему мнению их 120–130 человек.

В соответствии с оперативным приказом Ежова № 00485 от 11 августа 1937 г. развернулись

массовые аресты лиц «польской национальности», проживавших в республике. Как и в случае с немцами, репрессировались, прежде всего, поляки, работавшие на промышленных предприятиях и Орджоникидзевской железной дороге. 2 ноября 1937 г. Военный трибунал СКВО приговорил к расстрелу одного из самых авторитетных представителей польской диаспоры Северной Осетии – ксендза Римско-католической общины г. Владикавказа А.К. Червинского. Согласно сфальсифицированному НКВД обвинению, он являлся резидентом иностранной разведки [23].

В целом, в 1937–1938 гг. в республике различными репрессированными инстанциями было осуждено 65 поляков [24]. Эта цифра существенно разнится с данными, приводимыми А. Рогинским, согласно которым в Северной Осетии с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. по «польской операции» осудили 137 человек, в том числе 81 – к ВМН [25]. Мы считаем, что помимо поляков, по «польской операции» в республике были также репрессированы представители ряда других национальностей, и прежде всего белорусы, украинцы, русские. В целом же приведенные данные подтверждают тезис Рогинского о неправомерности отождествления понятия «поляки» и «польская операция» [26].

Жестоким репрессиям подверглась и одна из старейших диаспор Северной Осетии – греческая. Директива Ежова № 50215 от 11 декабря 1937 г. предписывала с 15 декабря одновременно во всех краях, республиках и областях произвести аресты лиц греческой национальности, подозреваемых в «шпионской, диверсионной, повстанческой и националистической антисоветской работе» [27].

«Греческая операция» в Северной Осетии проводилась в два этапа: первая группа греков была арестована в декабре 1937 г., а вторая в феврале 1938 г. Арестовав первую партию греков, руководство Северо-Осетинского НКВД направило в Москву шифротелеграмму о якобы вскрытой контрреволюционной организации. В ней в частности отмечалось: «Вскрыта и ликвидирована контрреволюционная фашистская националистическая шпионская греческая организация в г.Орджоникидзе. Эта организация ставила своей целью подрыв мощи СССР и проведение среди греческого населения г.Орджоникидзе фашистской пропаганды» [28]. Руководителем этой мифической организации нарком внутренних дел Миркин и его подчиненные сделали бывшего прапорщика царской армии, директора греческой школы Ф.Д. Левантиса. 23 октября 1939 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР он был приговорен к 5 годам ИТЛ [29].

Всего в рамках «греческой операции» арестован 61 человек, 47 из которых осуждены (21 – в 1937–1938 гг., 26 – в 1939 г.), в том числе 19 приговорены к ВМН [30]. 18 грекам расстрельный приговор был вынесен 4 октября 1938 г. Особой тройкой НКВД Северо-Осетинской АССР в составе наркома внутренних дел Миркина, 1-го секретаря обкома партии Н.П. Иванова и зампрокурора СОАССР по спецделам Городецкого.

В общем же в период Большого террора в Северной Осетии арестовано 68 греков, 54 из них осуждены (21 – в 1937–1938 гг., 26 – в 1939 г.) [31]. Помимо греков, поляков и немцев, репрессиям по «нацпризнаку» в Северной Осетии подверглись также иранцы, венгры, курды, латыши, литовцы, эстонцы и финны.

Массовые операции в Северной Осетии сопровождались беспрецедентными репрессиями против региональной партийной номенклатуры и советского аппарата. «Чистка» ответственных работников являлась важной частью репрессивных акций 1937–1938 гг. Превращение бывших начальников во «врагов народа», в руководителей «вражеских банд» органично вписывалось в общий замысел Большого террора и выполняло несколько задач – от возложения на них вины за провалы в хозяйственном развитии до решения проблемы социального клапана [32]. При этом важно отметить, что расправа над некоторыми видными представителями северо-осетинской политической элиты проходила под лозунгами борьбы с так называемым «буржуазным национализмом». О масштабах репрессий против номенклатурных работников в определенной степени можно судить по следующим данным. В период с июля 1937 г. по май 1938 г. в Северной Осетии сменилось три первых секретаря обкома партии, двое из них репрессированы (Маурер умер в тюрьме, Коков расстрелян в 1939 г.). Из 9 членов и 3 кандидатов бюро обкома, избранного 20 июня 1937 г. пленумом Северо-Осетинского обкома ВКП(б), в состав нового бюро, сформированного годом позже, войдет лишь 1 – нарком внутренних дел Миркин [33]. 6 членов и 1 кандидат к концу Большого террора репрессированы как «враги народа». Не менее впечатляющими были репрессии и в бюро Орджоникидзевского горкома ВКП(б), избранного в мае 1937 г. Из 7 его членов к началу мая 1938 г. 3 «изъяты органами НКВД как враги народа», 1 выведен из состава и исключен из партии за «примиренчество к врагам» [34].

Такой же масштабной чистке подверглись руководители районных партийных организаций и председатели райисполкомов. Только в одном Правобережном райкоме ВКП(б) с 1934 по 1938 гг. сменилось 6 первых секретарей, 4 из которых были репрессированы (3 приговорены к ВМН, 1 – к 10 годам ИТЛ), в Алагиро-Ардонском РК ВКП(б) в 1937–1938 гг. 3 первых секретаря, двое из которых осуждены как «враги народа» [35]. В июле 1938 г. часть высокопоставленных северо-осетинских партийных и советских руководителей была осуждена выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР. Среди включенных в «сталинский расстрельный список» из 56 человек, бывший 1-й секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) К.С. Бутаев, 6 первых секретарей райкомов и 2 заведующих отделами обкома партии [36].

Большой террор, направленный против определенных социальных групп и категорий

населения с политическим прошлым, обладал особыми механизмами отбора жертв, собственными карательными инстанциями и юридическими приемами [37].

Анализ биографических данных Книг памяти подтверждает тезис западных исследователей М. Юнге, Р. Биннера о наличии своего рода «сословной юрисдикции» в «юридических» инстанциях репрессий. Однако в Северной Осетии специализация карательных инстанций имела некоторые особенности. Тройка НКВД СОАССР рассматривала дела не только низших слоев («низовки») общества, но и жителей республики, обладавших достаточно высокой профессиональной квалификацией и социальным статусом: врачей, инженеров, директоров, начальников отделов, председателей сельсоветов и колхозов, парторгов и других. Представители так называемых инациональностей были подсудны Тройке и Особому совещанию (ОСО) при НКВД СССР. Последнее специализировалось на рабочих и служащих промышленных предприятий республики, гражданах немецкой, польской и других национальностей.

Главными репрессивными органами, рассматривавшими дела представителей северо-осетинской партийной номенклатуры и руководящих советских работников были выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР и Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа.

Пример Орджоникидзевого вагоноремонтного завода показывает, как фактически проявлялась эта своеобразная «иерархия репрессивных институтов». В июле 1938 г. руководство ВРЗ (Ловкис, Д.К. Литвинов, Иванов и другие) было осуждено выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР. Тройка НКВД СОАССР специализировалась в основном на рабочих, слесарях, сварщиках завода из числа осетин, русских и др. Дела рабочих и служащих ВРЗ представителей «контрреволюционных национальных контингентов», и прежде всего, немцев, поляков и греков, рассматривались в основном Особым совещанием при НКВД СССР. Из 34 немцев, репрессированных на заводе в период Большого террора, 25 осуждено именно ОСО [38].

**Заключение.** Начавшись фактически в конце июля 1937 г. массовые операции завершились в Северной Осетии, как и в целом по стране, в ноябре 1938 г. В ходе проведения «кулацкой операции» в Северо-Осетинской АССР были осуждены 2 002 человека, из них по 1-й категории – 856 (42,76 %), по 2-й – 1 146 (57,24 %). Наиболее многочисленную группу жертв приказа № 00447 в республике составили «бывшие кулаки» – 1 338 человек (1-я категория – 596, 2-я категория – 742) или 66,8 % от общей доли осужденных. Далее следовали «другие контрреволюционные элементы» – 586 человек (1-я категория – 245, 2-я категория – 341) и уголовники 78 человек (1-я категория – 15, 2-я категория – 63) [39]. Анализ сводных данных по приказу № 00447 и его исполнению свидетельствует, что Северная Осетия относилась к регионам с высоким процентом осужденных. Из 16 автономных республик РСФСР доля репрессированных по «кулацкой операции» к общей численности населения была выше лишь в Карельской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР, а также АССР Немцев Поволжья. На высокие цифры репрессий в этих регионах оказывали влияние ряд серьезных факторов: в Карелии наличие сети тюрем и лагерей, незавершенность процесса коллективизации и антисоветские движения в Чечено-Ингушской АССР. В АССР Немцев Поволжья в ходе «кулацкой операции» репрессированы, прежде всего, контингенты «национальных операций», которые должны были осуждаться в альбомном порядке [40].

Северная Осетия никогда не являлась местом «кулацкой» ссылки, напротив, была одним из передовиков коллективизации на Северном Кавказе. Не было здесь массовой преступности и бандитизма, о чем свидетельствуют незначительное число осужденных уголовных элементов.

Высокие показатели репрессий, превышавшие средние цифры в регионах, так же как и Северная Осетия затронутых радикальной коллективизацией и массовым выселением кулаков, связаны с позицией партийно-чекистского руководства автономной республики (Коков, Лемаев и Миркин) по эскалации репрессий, повышению репрессивных лимитов. Менее масштабными, но не менее кровавыми стали репрессии в отношении инациональностей. По нашим подсчетам, по «национальным операциям» в Северной Осетии был осужден 285–322 человека. Общее количество жертв Большого террора в республике колеблется в пределах 2 440–2 480 человек, включая представителей северо-осетинской номенклатуры, осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР.

#### Примечания:

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т.5. 1937–1939. Кн.1.1937 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 330–337.

2. Там же. С. 322.

3. Альманах «Россия. XX век» [Электронный ресурс]. Режим доступа [www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1006159](http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1006159).

4. Трагедия советской деревни... С. 322.

5. Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. М.: Новый Хронограф; АИРО XXI, 2008. С. 201.

6. Подсчитано по: Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.1. – Владикавказ: Издательство им. В.А. Гассиева, 1999; Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.2.

Владикавказ: Проект-Пресс, 2006; Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.3. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007.

7. Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А.). Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 75. Л. 57–58.
8. Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф. Вертикаль Большого террора... С. 562–563.
9. Подсчитано по: Книга памяти жертв...
10. ГАНИ РСО-А. Ф. Р. 16. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.
11. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.4. / А.Б. Зураев.– Владикавказ: ИПК «Литера», 2012. С. 216–220.
12. ГАНИ РСО-А.Ф. Р. 42. Оп. 2. Д. 9. Л. 74.
13. ГАНИ РСО-А.Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 69. Л. 106.
14. Социалистическая Осетия. 1937. 26 июня.
15. ГАНИ РСО-А.Ф. Р. 1949. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
16. ГАНИ РСО-А.Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 86. Л. 16.
17. Подсчитано по: Книга памяти жертв...
18. Социалистическая Осетия (Орджоникидзе). 1937. 20 октября.
19. Подсчитано по: Социалистическая Осетия. 1937. 23 августа, 15 октября, 20 октября, 30 октября, 24 ноября; 1938. 17 февраля.
20. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. М.: РОССПЭП; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2009. С. 286.
21. Подсчитано по: Книга памяти жертв...
22. Там же.
23. ГАНИ РСО-А.Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 69. Л. 107.
24. Подсчитано по: Книга памяти жертв...
25. Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа – [www.memo.ru/history/POLAcu/00485-2.html](http://www.memo.ru/history/POLAcu/00485-2.html).
26. Там же.
27. Джуха И.Г. «Греческая операция» СПб.: «Алетейя», 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа [www.ourbaku.com/index.php5/И.Г.\\_Джуха\\_«Греческая\\_операция»](http://www.ourbaku.com/index.php5/И.Г._Джуха_«Греческая_операция»).
28. Шахбазов В.А. Греки Владикавказа (часть II). – Владикавказ, 2000. С. 21.
29. Там же. С. 45.
30. Подсчитано по: Шахбазов В.А. Греки Владикавказа...
31. Подсчитано по: Там же; Книга памяти жертв...
32. Колдушко А.А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий в Свердловской области в 1937–1938 гг. / Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 672.
33. Социалистическая Осетия. 1938. 11 июня.
34. ГАНИ РСО-А. Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 86. Л. 51.
35. ГАНИ РСО-А. Ф. Р. 1948. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
36. Сталинские расстрельные списки. РСФСР Северо-Осетинская АССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа [stalin.memo.ru/regions/regi60.htm](http://stalin.memo.ru/regions/regi60.htm).
37. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»? Проведение в жизнь оперативного приказа №00447 в 1937–1938 гг. // Свободная мысль. – XXI. 2003. № 10. С. 98.
38. Подсчитано по: Книга памяти жертв...
39. Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф. Вертикаль Большого террора... С. 562–563.
40. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа – [www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm](http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm).

#### References:

1. Tragediya sovetsoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy. V 5tt. / T.5. 1937–1939. Kn.1.1937 / Pod red. V. Danilova, R. Manning. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2004. S. 330–337.
2. Tam zhe. S. 322.
3. Al'manakh «Rossiya. KhKh vek» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa [www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1006159](http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1006159).
4. Tragediya sovetsoi derevni...S. 322.
5. Yunge Mark, Bordyugov Gennadii, Binner Rol'f. Vertikal' Bol'shogo terrora. Istoriya operatsii po prikazu NKVD №00447 / Mark Yunge, Gennadii Bordyugov, Rol'f Binner. M.: Novyi Khronograf; AIRO KhKhI, 2008. S. 201.
6. Podschitano po: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii RSO-Alaniya. T.1. – Vladikavkaz: Izdatel'stvo im. V.A. Gassieva, 1999; Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii RSO-Alaniya. T.2. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2006; Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii RSO-Alaniya. T.3. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2007.
7. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii RSO-Alaniya (GANI RSO-A.). F. R. 53. Op. 1. D. 75. L. 57–58.
8. Yunge Mark, Bordyugov Gennadii, Binner Rol'f. Vertikal' Bol'shogo terrora... S. 562–563.
9. Podschitano po: Kniga pamyati zhertv...
10. GANI RSO-A. F. R. 16. Op. 1. D. 17. L. 10.
11. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii RSO-Alaniya. T.4. / A.B. Zuraev.– Vladikavkaz: IPK «Litera», 2012. S. 216–220.
12. GANI RSO-A.F. R. 42. Op. 2. D. 9. L. 74.
13. GANI RSO-A.F. R. 53. Op. 1. D. 69. L. 106.
14. Sotsialisticheskaya Osetiya. 1937. 26 iyunya.
15. GANI RSO-A.F. R. 1949. Op. 1. D. 1. L. 44.

16. GANI RSO-A.F. R. 53. Op. 1. D. 86. L. 16.
17. Podschitano po: Kniga pamyati zhertv...
18. Sotsialisticheskaya Osetiya (Ordzhonikidze). 1937. 20 oktyabrya.
19. Podschitano po: Sotsialisticheskaya Osetiya. 1937. 23 avgusta, 15 oktyabrya, 20 oktyabrya, 30 oktyabrya, 24 noyabrya; 1938. 17 fevralya.
20. Khaustov V., Samuel'son L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. / V. Khaustov, L. Samuel'son. M.: ROSSPEP; Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2009. S. 286.
21. Podschitano po: Kniga pamyati zhertv...
22. Tam zhe.
23. GANI RSO-A.F. R. 53. Op. 1. D. 69. L. 107.
24. Podschitano po: Kniga pamyati zhertv...
25. Petrov N.V., Roginskii A.B. «Pol'skaya operatsiya» NKVD 1937–1938 gg. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa – [www.memo.ru/history/POLAcY/00485-2.html](http://www.memo.ru/history/POLAcY/00485-2.html).
26. Tam zhe.
27. Dzhukha I.G. «Grecheskaya operatsiya» SPb.: «Aleteiya», 2006. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa [www.ourbaku.com/index.php5/I.G.\\_Dzhukha\\_«Grecheskaya\\_operatsiya»](http://www.ourbaku.com/index.php5/I.G._Dzhukha_«Grecheskaya_operatsiya»).
28. Shakhbazov V.A. Greki Vladikavkaza (chast' II). – Vladikavkaz, 2000. S. 21.
29. Tam zhe. S. 45.
30. Podschitano po: Shakhbazov V.A. Greki Vladikavkaza...
31. Podschitano po: Tam zhe; Kniga pamyati zhertv...
32. Koldushko A.A. Rol' partiinykh organov v osushchestvlenii massovykh repressii v Sverdlovskoi oblasti v 1937–1938 gg. / Stalinizm v sovetskoi provintsii: 1937–1938gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza №00447. [sost.: M. Yunge, B. Bonvech, R. Binner]. M.: ROSSPEN; Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2009. S. 672.
33. Sotsialisticheskaya Osetiya. 1938. 11 iyunya.
34. GANI RSO-A. F. R. 53. Op. 1. D. 86. L. 51.
35. GANI RSO-A. F. R. 1948. Op. 1. D. 11. L.12.
36. Stalinskie rasstrel'nye spiski. RSFSR Severo-Osetinskaya ASSR. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa [stalin.memo.ru/regions/regi60.htm](http://stalin.memo.ru/regions/regi60.htm).
37. Yunge M., Binner R. Kak terror stal «Bol'shim»? Provedenie v zhizn' operativnogo prikaza №00447 v 1937–1938 gg. // Svobodnaya mysl'. – XXI. 2003. № 10. S. 98.
38. Podschitano po: Kniga pamyati zhertv...
39. Yunge Mark, Bordyugov Gennadii, Binner Rol'f. Vertikal' Bol'shogo terrora... S. 562–563.
40. Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii «nemetskoj operatsii» NKVD 1937–1938 gg. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa – [www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm](http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm).

УДК 94 (47).084.6

### «Лимиты на расстрел»: из истории Большого террора в Северной Осетии

Алан Тахирович Царикаев

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация  
 Институт истории и археологии РСО-Алания, Российская Федерация  
 362025 г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46  
 Кандидат исторических наук, доцент  
 E-mail: [Tsarikaev.A.T@yandex.ru](mailto:Tsarikaev.A.T@yandex.ru)

**Аннотация:** В статье на основании ранее неизвестных архивных документов из фондов Государственного архива новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А), материалов периодики и Книг памяти жертв политических репрессий впервые в региональной историографии рассматриваются массовые операции НКВД в Северной Осетии в годы Большого террора. Основное внимание уделено «кулацкой операции», статистике террора и социальному составу репрессированных в регионе. Показывается роль членов региональной Тройки НКВД в эскалации террора. Делаются выводы о том, что «кулацкая операция» в Северной Осетии имела выраженную антикрестьянскую направленность, а ее первоначальные лимиты многократно превышены, отмечается, что в «национальных операциях», прежде всего в «польской» и «немецкой» репрессировались также лица, не являвшиеся этническими поляками и немцами.

**Ключевые слова:** большой террор; «враг народа»; «кулацкая операция»; лимиты; НКВД; Северо-Осетинская АССР; «чистка».